

На правах рукописи

ГАПЕЕНКОВА МАРИНА ЮРЬЕВНА

**ТРАГИЗМ МИРООЩУЩЕНИЯ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПОЭЗИИ
ГЕОРГИЯ ИВАНОВА**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород – 2006

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX века Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Нижегородский государственный университет имени Н.И.Лобачевского».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Кузьмичев Иван Кириллович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Агеносов Владимир Вениаминович

кандидат филологических наук, доцент
Эрастова Анна Вячеславовна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Коломенский государственный педагогический институт»

Защита состоится «22» декабря 2006 года в 13 часов на заседании диссертационного совета по присуждению ученой степени кандидата филологических наук в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского по адресу: 603000 Нижний Новгород, ул. Б.Покровская, 37, ауд. 312.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (603950 Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, корп. 1).

Отзывы можно отсылать по адресу: 603000 Нижний Новгород, ул. Б.Покровская, 37, филологический факультет ННГУ им. Н.И. Лобачевского, ученому секретарю.

Автореферат разослан «18» ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Л.В. Рацибурская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Явление Русского Зарубежья, одному из лучших представителей которого посвящена предлагаемая работа, уникально: более полувека, находясь вдали от Родины, русские эмигранты видели свою миссию в сохранении русской культуры и – шире – самой русскости. В настоящем исследовании не ставится цель определить, насколько им это удалось, однако представляется бесспорным, что традиции русской литературы, науки, философии, богословия были продолжены эмиграцией, и продолжены на очень высоком уровне. Усилие, затраченное на это продолжение людьми, которые были свидетелями того, как русская культура исчезала, мы до сих пор в должной мере не оценили. Литературу эмиграции называют «возвращенной», но она по большей части остается пока еще не востребованной – особенно те ее образцы, в которых, как в поэзии Георгия Иванова, выражено чувство катастрофы. Тем не менее, именно присутствие этого чувства в литературе Русского Зарубежья делает ее изучение **актуальным**: оно дает возможность понять, что происшедшее с Россией в 1917 году – не просто печальная страница истории, а подлинная трагедия, которую, может быть, долго не удастся изжить. Надо постараться не отворачиваться от нее и от тех, кто ее увидел, если мы хотим быть частью «вечной, непреходящей России»¹.

В настоящем исследовании предпринимается попытка осветить одну из самых неразработанных проблем, касающихся творчества Г.Иванова, – проблему трагического мироощущения поэта.

Тему трагического в поэзии Г.Иванова и в России, и в эмиграции затрагивали в основном мимоходом. Среди критиков Русского Зарубежья о трагичности стихов Г.Иванова писали Ю.Иваск, назвавший их «сладчайшей трагической поэзией»², и Р.Гуль, уделивший этому вопросу особенное внимание, однако отрицавший трагическое начало в ивановских стихах. В России эта проблема разработана В.Агеносовым, увидевшим в поэзии Г.Иванова трагическое переживание смертности всего рожденного³, пустоты и ужаса мира⁴. Именно В.Агеносов отметил, что даже иронические стихи, заземленные ориентированностью на разговорный стиль и прозаизацию, остаются трагическими, в философском плане раскрывают «трагедию бытия»⁵.

Тему трагического затронули также В.Акимов и А.Арьев, однако А.Арьев в своем фундаментальном труде о Г.Иванове все же, на наш взгляд, недооценил трагедийное начало в поэзии Г.Иванова. Его анализ лирики, особенно лирики последних лет, снижается с трагедийных высот в круг

¹ Иванов, Г. Собрание стихотворений: В 3 т. Т. 3. / Г. Иванов – М.: Согласие, 1994. – ISBN-5-86884-022-4. – С. 611.

² Иваск, Ю. Георгий Иванов / Ю. Иваск // Новый журнал – 1970 – № 98. – С. 135 – 143

³ Агеносов, В.В. «Мне исковеркала жизнь талант двойного зренья»: Г.Иванов / В.В. Агеносов // Литература русского зарубежья (1918 – 1996). М.: Тера; Спорт, 1998. – ISBN 5-93127-002-7. – С. 238.

⁴ Там же. – С. 234.

⁵ Там же. – С. 243.

житейских подробностей: «финальной поэтической темой Георгия Иванова оказалось презренное переживание: не стоит ли на самом деле хороший ужин никого не спасающих стихотворных забав?»¹

Таким образом, проблема трагического в поэзии Г.Иванова все-таки осталась неразработанной: *с точки зрения трагизма, и особенно трагического мироощущения, его поэзию не изучали.* Различные мотивы его поэзии по большей части рассматривались как значимые сами по себе, вне связи с трагическим, *в то время как без трагического мироощущения поэзию Г.Иванова, на наш взгляд, нельзя по-настоящему ни почувствовать, ни понять.* В предлагаемом исследовании эмигрантская поэзия Георгия Иванова понимается именно как поэзия *трагическая*, именно *с точки зрения трагизма* мы обратимся к тому, как даны в ней глубины бытия и видимый мир и каким образом ощущение общей мировой жизни приводит Г.Иванова к ощущению некоей новой жизни, призванной преобразить страдающий мир.

Материалом исследования стала поэзия Георгия Иванова периода эмиграции, пять книг его стихов: «Розы» (1931 г.); первый раздел книги «Отплытие на остров Цитеру. 1916 – 1936. Избранные стихи» (1937 г.), составленный из стихотворений, ранее публиковавшихся только в периодических изданиях; «Портрет без сходства», включающий цикл «Rayon de rayon» (1950 г.); «1943 – 1958. Стихи» (1958 г.), последняя подготовленная к изданию самим Г.Ивановым книга, содержащая, помимо нового поэтического цикла «Дневник», несколько измененные «Портрет без сходства» и «Rayon de rayon»; «Посмертный дневник», объединивший стихотворения, написанные в последние месяцы жизни поэта и изданные в полном объеме только в 1975 году; и, наконец, стихи, не включенные Г.Ивановым в сборники, часть которых вошла в современные собрания сочинений поэта.

Объектом анализа является трагическое мироощущение поэта, получившее самое многообразное выражение в избранном литературном материале.

Предметом исследования стал трагизм мироощущения в эмигрантской поэзии Г.Иванова при изображении: а) глубинной основы бытия (хаокосмос); б) видимого мира; в) идеальной, преображенной жизни как рая.

Цель предлагаемой работы – определить истоки, содержание и характер трагического мироощущения в поэзии Г.Иванова, трансформацию этого мироощущения под воздействием «вечной бессмыслицы» хаокосмоса, глубинных законов бытия и выявить возможные средства его преодоления на пути к новой, преображенной жизни, к раю.

Поставленные цели определяют **задачи** исследования, которые сводятся к следующему.

¹ Арьев, А. «Пока догорала свеча» (О лирике Георгия Иванова) / А.Арьев // Иванов, Г. Стихотворения. – СПб., 2005. – ISBN 5-7331-0308-6. – С. 55.

1. Выявить терминологическое содержание трагического мироощущения, его специфику и объем, отличие от мирозерцания, связь с трагическим как фундаментальной содержательной эстетической категорией и степень ее изученности в русской эстетике и критике XX века, а также в трудах, посвященных исследованию творчества Г.Иванова.

2. Установить связь трагического мироощущения как проблемы в лирике Г.Иванова с русской революцией, судьбой России, с вопросом о смерти и бессмертии, с философией, Православием и с русской литературой.

3. Охарактеризовать специфику изображения глубинной основы бытия, бездны и хаоса в эмигрантской поэзии Г.Иванова.

4. Рассмотреть взаимодействие космического хаоса и видимого, действительного мира в эмигрантской поэзии Г.Иванова и его влияние на судьбу поэта, русскую литературу и русскую революцию.

5. Определить средства преодоления трагического мироощущения в лирике Г.Иванова на пути к новой, преображенной действительности, к царству свободы, к бессмертию.

Реализация данных задач обуславливает **научную новизну** исследования, состоящую, прежде всего, в выявлении специфики трагического мироощущения в эмигрантской поэзии Г.Иванова.

Теоретико-методологической основой диссертации являются фундаментальные труды философов и литературоведов и наиболее крупных исследователей творчества Г.Иванова: В.Агеносова, Г.Адамовича, В.Вейдле, Г.В.Ф.Гегеля, Р.Гуля, Ю.Иваска, И.Ильина, преподобного Иустина (Поповича), В.Крейда, К.Леонтьева, А.Лосева, Ф.Ницше, В.Соловьева, Ю.Терапиано, В.Ходасевича.

В работе использованы исторический и диалектический принципы исследования, а также социологический, сравнительно-типологический, биографический и экзистенциалистский методы литературоведческого анализа.

Следует отметить также, что при характеристике специфики трагического мироощущения как эстетического термина использованы труды А.Лосева, в частности его ранняя работа «Строение художественного мироощущения».

При решении проблемы смерти и бессмертия в поэзии Г.Иванова, наряду с классической европейской философией, учитывалась и русская философская мысль, отечественные религиозные философы, православные богословы, в частности труды преподобного Иустина (Поповича).

Наша нынешняя, перестроечная и постперестроечная идеология избегает серьезного анализа природы и последствий прежнего, коммунистического режима. В сложившейся ситуации возвращение русской эмигрантской литературы, в том числе и творческого наследия Г.Иванова, в лоно отечественной культуры можно считать своевременным, спасительным и благотворным. Ее приход в значительной мере способен восполнить тот духовный дефицит, который образовался в России в течение всего

минувшего столетия и за последние 15 – 20 лет спустился до критической отметки.

Теоретическая значимость работы состоит в изучении трагического мироощущения как проблемы в его связи с трагическим как фундаментальной содержательной эстетической категорией, с русским богословием и философией, с русской литературой, с поэзией Г.Иванова.

Практическая значимость работы. Материалы исследования могут быть использованы в курсе лекций по истории русской литературы, на спецкурсах и семинарах, посвященных литературе Русского Зарубежья.

Апробация исследования. Основные положения работы обсуждались на семинарах и конференциях, в частности на Международной научной конференции «Художественный текст и культура» (Владимир, 2003 г.), на Международной научной конференции «Жизнь провинции как феномен русской духовности (Нижний Новгород, 2003-й, 2004-й, 2005-й и 2006 гг.), на Международной научной конференции «Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд» (Москва – Рязань, 2004 г.), на III Всероссийской научной конференции «Русская литература в современном культурном пространстве» (Томск, 2005 г.), на Грехневских чтениях (Нижний Новгород, 2005 г.). На Международной научной конференции «III Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова» (Петербург, 2001 г.) была заявлена тема «Поэтический цикл Николая Туроверова «Стихи о Сербии» в контексте русско-сербских отношений». Отдельные аспекты исследования отражены в 12 публикациях автора.

На защиту выносятся следующие положения, обусловившие научную новизну работы.

1. Русская эмигрантская философия и литература, постоянно обращаясь к теме русской катастрофы, безоговорочно осудила большевистский экстремизм, красный террор, нетерпимость, жестокость большевиков, их пренебрежительное отношение к национальным интересам ради утопической, несбыточной, безумной мечты о мировой революции.

Г.Иванов как поэт, критик, переводчик, очеркист в годы революции имел возможность познакомиться с представителями и правой, и левой (М.Горький, издательство «Всемирная литература») интеллигенции. Устремления этой последней он не принял, как не принял не только октябрьский, но и февральский переворот. Он выбрал эмиграцию и, как большинство эмигрантов, отверг большевизм и марксизм.

2. Советские идеологи славословили созданный большевиками режим и до начала Великой Отечественной войны подвергали критике почти все, созданное в России до 1917 года. Г.Иванов, оторванный от родины, в своих стихах выразил горячую признательность дореволюционной России и надежду на ее возрождение. Он мечтал «вернуться в Россию стихами». И мечты его сбылись.

3. Советская власть, будучи безбожной по определению, без жалости разрушала православные духовные ценности, крушила храмы, истребляла

физически духовное сословие и во многом преуспела в своих злодеяниях. У Г.Иванова к Богу было сложное отношение. Он метался между верой и безверием, как и многие другие модернисты. Однако в конце концов он стал ближе к верующим, чем к неверующим («Распад атома»).

4. Оголтелый атеизм делал общество глухим к проблемам смерти и бессмертия. Г.Иванов, идя от безверия к вере, возможно, не без влияния русских религиозных философов, которые развивали свои идеи практически на его глазах, в своих философских элегиях дал интересную поэтическую интерпретацию идеи смерти и бессмертия.

5. Советское литературоведение 20 – 30-х годов прошлого столетия практически не занималось ни этическими, ни эстетическими категориями, связанными с добром и красотой. «Этика, эстетика и прочая чепуха» (В.Маяковский) его не интересовали.

Г.Иванов настойчиво обращается к этическим и эстетическим категориям, особое внимание уделяет трагическому вообще и трагическому мироощущению – в частности.

6. Чем быстрее приближалась советская доктрина к своему неминуемому катастрофическому концу, тем увереннее ее идеологи твердили о приближении коммунистического рая на земле. Н.Хрущев даже определил календарные сроки, которые должны были наступить лет за двадцать до конца XX столетия или около того.

Мировая пресса скептически относилась к прогнозам советского лидера, а русская эмигрантская печать напоминала об апокалипсисе (отчасти вслед за В.Розановым, отчасти вслед за православными мыслителями) с первых лет нового режима. Одним из первых вестников этой идеи явился Г.Иванов. В своих стихах и прозаических произведениях он заговорил о катастрофе, которая ожидает Россию. Причем катастрофа представляется ему универсальной, всеобъемлющей, хаокосмической.

7. Эмигрантская поэзия Г.Иванова во многом сложилась, как нам кажется, под воздействием трагических событий русской революции и – особенно – октябрьского переворота (до октябрьского переворота Г.Иванов был связан сначала с эгофутуристами, потом – с акмеистами, после расстрела Н.Гумилева стоял во главе акмеистов).

В поэзии эмигрантского периода развитие трагедийной темы Г.Иванова явно членится на три поэтических пласта, тесно связанных друг с другом: царство *бездны и хаоса*, составляющее глубинную основу бытия, враждебную человеку; *видимый мир*, где живет человек в страхе от действия космического хаоса, порождающего «мировую чепуху», «вечную бессмыслицу» и смерть, и, наконец, новую, *преображенную жизнь* как рай. Впрочем, существование преобразенной жизни, как и жизни в видимом мире, для человека весьма проблематично из-за вечного страха катастрофы, гибели, смерти. Человек перед лицом бездны, хаоса и смерти беззащитен.

8. Высшая, всеопределяющая сила, сила бездны и хаоса, лежит за пределами человеческого. В период эмиграции поэтическая мысль Г.Иванова, изменяясь и углубляясь от книги к книге, остается неизменной в

одном – в своей сосредоточенности на глубинных основах бытия. Эти глубины бытия, в представлении Г.Иванова, насквозь хаотичные и принципиально не человеческие, лишены и смысла, и цели. Именно в них находит поэт источник горя и страданий, которыми полна человеческая жизнь, именно от них он ожидает окончательной гибели. Некая хаотическая бездна угадывается Г.Ивановым за внешней стороной вещей, и, чем более он осознает глубины бытия как злые и бесформенные, тем острее жаль ему ясной и оформленной человеческой жизни, тем сильнее надеется он на преобразование измученного мира.

9. Однако чем сильнее, чем отчаяннее Г.Иванов надеется на такое преобразование, тем больше сомневается в осуществлении этих надежд и порой впадает в безысходный пессимизм. В этом отношении, в отношении сомнения, Г.Иванову нет равных. Хотя поэзию Г.Иванова многие авторитетные критики называют оптимистичной, оптимизм этот носит ущербный характер. Г.Иванов глубинную основу бытия представляет как абсолютную бездну и не учитывает ту благую силу, которая питает на Земле все живое – Солнце и солнечную энергию.

В космосе, который ему видится, есть только холод и тьма, он лишен тепла и света. Даже на земле Г.Иванов знает только *заходящее* солнце, звезды и ночь, даже на земле для него особенно реальны слабость и гибель.

Между тем, как отмечал Б.Вышеславцев, «если бы существовал только один закон слабости всего высшего, то все высшее давно разрушилось бы, и даже, собственно, вовсе не могло бы явиться. Если бы существовал только закон энтропии, как закон всеобщего охлаждения и космического уравнения температуры, то жизнь просто была бы невозможна. Ибо жизнь построена на прямо противоположном законе: на согревании, в противоположность охлаждению, на создании контрастов, в противоположность всеобщему уравнению температуры»¹.

Это знал уже доисторический мир, это знали в библейские времена, это знает христианство, назвавшее Христа Солнцем Правды. «Почти все религии сравнивают Бога с солнцем, а действие Его божественной силы – со светом. В этой жизни солнечный свет есть, вообще, наиболее значительный фактор и причина почти всех естественных процессов на поверхности земли»².

Именно в силе, создавшей и питающей мир, Г.Иванов сомневается: зло, которое разрушает землю, кажется ему победителем. Действительно, по замечанию И.Сикорского, вся тьма и холод вселенной вряд ли превосходят тьму и холод, существующие на земле. Величайшее зло, страдание и мука вселенной, вероятно, блики к тем, которые мы наблюдаем на земле. Г.Иванов надеется на победу света и в то же время сомневается в ней, ибо эта победа должна быть слишком грандиозной: «счастье и блаженство в жизни высшего порядка, в божественной небесной вселенной могут и должны быть

¹ Вышеславцев, Б.П. Вечное в русской философии / Б.П. Вышеславцев // Кризис индустриальной культуры. – М.: Астрель, 2006. – ISBN 5 – 271 – 13249 – 8. – С. 707.

² Sikorsky, I. The Message of the Lord's Prayer / I. Sikorsky. – (<http://www.sikorskyarchives.com/lord.html>).

несравненно и бесконечно выше, лучше и значительнее любого счастья и довольства, какие могут быть достигнуты на земле»¹. Сомневающемуся поэту трудно поверить в реальность такой вселенной – вселенной, еще более грандиозной, чем увиденная им бездна бытия, чем все, что в силах вообразить человек. И все-таки в его стихах живет эта грандиозная надежда, которой дано преодолеть сомнение и скептицизм.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии. Объем диссертации – 184 страницы машинописного текста; список использованной литературы включает в себя 361 наименование.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются предмет, цель, основные задачи и принципы исследования; обосновывается выбор темы, ее актуальность и научная новизна; описываются подходы к поэзии Г.Иванова, сложившиеся в критике Русского Зарубежья и в современной российской критике.

Глава I – «Трагическое мироощущение как проблема» – состоит из двух параграфов. *Первый параграф*, названный так же «*Трагическое мироощущение как проблема*», посвящен анализу категории трагического в античной эстетике, в немецкой философской традиции и в работах А.Лосева. Кроме того, здесь представлена концепция сербского богослова и патролога преподобного Иустина (Поповича), предложившего бытийное, непосредственное решение проблемы смысла человека и мира, и в частности проблемы трагизма.

Мы подробно рассматриваем труды А.Лосева и преподобного Иустина, поскольку в них отразилось, как нам кажется, то обостренное ощущение трагического, которое принес с собой XX век. Не случайно А.Лосеву так удавались описания хаотического начала в мире, будь то «дух хаоса», как в «Строении художественного мироощущения», или «остервенелое безумие бытия», как в «Разговорах на Беломорстрое». Не случайно и преподобный Иустин так глубоко понимал мироощущение человека, для которого жизнь – только отчаяние, а все бытие целиком – только безумие.

Как нам представляется, именно в таком мироощущении – источник и всей эмигрантской поэзии Г.Иванова. Она живет чувством всемирной катастрофы, «глухой музыкой небытия»², вобравшей в себя темы России, эмиграции, личной судьбы поэта и все-таки намного превосходящей их. Вся видимость мира, все глубины бытия даны в ней как единая трагедия хаокосмоса.

¹ Sikorsky, I. The Message of the Lord's Prayer / I. Sikorsky. – (<http://www.sikorskyarchives.com/lord.html>).

² Иванов, Г. Собрание стихотворений: В 3 т. Т. 3. / Г. Иванов – М.: Согласие, 1994. – ISBN-5-86884-022-4. – С. 536.

Второй параграф – «Эмигрантская поэзия Г.Иванова и проблема трагического мироощущения в литературно-критическом контексте XX века» – посвящен характеристике той линии русской мысли, которая противостояла, говоря словами К.Леонтьева, мысли «либеральной», доминировавшей в России на протяжении XIX – XX веков. Эта линия так и не успела сформироваться как мысль публичная, но как жизненная сила она была очень мощной. Ей следовали Серафим Саровский, митрополит Филарет (Дроздов), старцы Оптиной пустыни; в XX веке ее продолжили Иоанн Кронштадтский и архиепископ Иоанн Шанхайский (Максимович). Среди светских мыслителей ее самыми последовательными выразителями были К.Леонтьев и И.Ильин. Эта линия православной русской мысли была далека от нигилизма и либерализма, она знала свое начало и свою цель, уверенно различала добро и зло, не пытаясь их ни согласить, ни сгладить. «Муть двоящихся мыслей и двойных чувств»¹, неотделимая от мысли либеральной, всегда была чужда ей.

В XX веке именно она последовательно и до конца отвергла все соблазны большевизма, как отверг их и Г.Иванов, пытавшийся найти хотя бы в поэзии «противоядие против безбожия, диамата, рабства тела, растления душ»². Подобно К.Леонтьеву и И.Ильину, Г.Иванов не принял не только большевизм, он отверг тот принцип абсолютного зла, частным проявлением которого все они считали революцию. Г.Иванов воспринимал это зло как «действительную силу, ... владеющую нашим миром, так что для успешной борьбы с нею нужно иметь точку опоры в ином порядке бытия»³. Он нуждался в этой точке опоры, но все-таки не находил ее, в отличие от К.Леонтьева и И.Ильина, она не стала для него предметом веры, оставаясь только предчувствием и надеждой. Но уже и эта надежда сделала для него невозможным «вкус к дьявольскому». «Дух печали» – демон, который, по словам А.Блока, необходим поэту, не привлекал Г.Иванова, поэтому и стихи его отрицают демоническое начало в мире, поэтому, лишенные веры, они все-таки не лишены надежды.

В Главе II – «Глубинная основа бытия как бездна и хаос» – исследуется то, как именно Г.Иванов ощущает глубинную жизнь мира и каково его отношение к ней.

Он более сосредоточен на мире, чем на себе самом, однако было бы ошибкой считать его поэтом внешних впечатлений. Его взгляд, действительно, обращен вовне, но он не задерживается в границах внешнего мира. Он фиксирует то, что скрыто за ними, что происходит за гранью видимого мира. У Г.Иванова, говоря словами А.Лосева, «нет радости и печали, начинающихся и кончающихся здесь, на земле»⁴: как вся земля

¹ Флоровский, Г. Пути русского богословия. – Париж, 1937. – С. 498.

² Иванов, Г. – Указ. изд. – С. 185.

³ Соловьев, В. Три разговора. – М.: Издательство Захарова, 2000. – ISBN 5-8159-0089-3. – С. 5.

⁴ Лосев, А.Ф. Два мироощущения (Из впечатлений после «Травиаты») / А.Ф. Лосев // Форма. Стиль. Выражение. – М.: Мысль, 1995. – ISBN 5-244-00795-5. – С. 625.

целиком, как «жизнь всех людей без исключения», они зависят от глубин бытия, которые тоже живут, но живут жизнью нам чуждой и непонятной.

Первый параграф главы – «Характеристики глубины бытия» – посвящен тем определениям, которые находит Г.Иванов для глубинной жизни мира (это и «торжество», и «сиянье», и «бездна голубая», и «мировое безобразье», и «вечная бессмыслица», и «синий ладан», и «темная роза» и т.д.), и которые всегда у Г.Иванова фиксируют не просто предметы, закрепленные в них, а нечто другое, более сложное и более страшное. «Оболочку» стихотворений, в которых появляются такие «определения», Г.Иванов намеренно делает очень мерной, очень гармонической и тем сильнее акцентирует то, что за ней скрыто, что лишено всякой гармонии и меры – безумный хаос бытия.

Вечность Г.Иванова – это сияющая холодная пустота, торжествующее ничто. Такая вечность не только не привлекает поэта, она ему отвратительна. Ему отвратительно ее зло, направленное на человека. Его напрасно называли «прóклятым поэтом», это зло он воспринимает как грязь и «уродство»: «мировое безобразье», «помойная яма мирового горя», «яма, могильных полная червей», «пустого хлева грязная стена», – таковы его определения вечности, бездумная, нерассуждающая жестокость которой его мучает.

Г.Иванов всегда избегал всякой романтизации в изображении глубины бытия. Образы, которые он использовал для ее определения, призваны показать ее *не* человеческую природу, ее абсолютную чуждость земной логике и людским представлениям и в то же время ее предательскую притягательность, но ни в коем случае не возвышенность и не обаяние.

К представлениям Г.Иванова о том, что ожидает человека в такой вечности, мы обращаемся во *втором параграфе* – «Человек в глубине бытия». Чем именно сменится жизнь, «беспамятством или мучением», Г.Иванов не знает, но предчувствует он, как кажется, именно мучение. Он не раз писал о небытии, о провале в него сквозь «хрупкий лед» жизни, о «холодном ничто», угрожающем человеку, и все-таки, мы бы сказали, что небытие для него не существует. В небытии человек должен быть окончательно, непоправимо уничтожен, должен потерять не только жизнь, но и воспоминания, даже не только воспоминания, но и само сознание небытия. Ивановское ощущение глубинной жизни мира фиксирует бездну мучения, бесконечное умирание, *почти*, но только *почти* небытие. В этом *почти* небытии, в странном, *почти* развоплощенном состоянии человек существовать продолжает. Теперь он оставлен один на один с вечной мукой, вечным страданием, вечной смертью, предчувствие которых отравляло его земную жизнь.

Более подробно о том, как дан в мироощущении Г.Иванова видимый мир, будет сказано в третьей главе, здесь же нас интересует только его переживание земной жизни как преддверия смерти и вечности. Именно этой проблеме посвящен *третий параграф* – «Видимый мир как преддверие вечной смерти».

Г.Иванов не только чувствует, что за пределами земной жизни, за «чудным миром» человека, за окном его «маленького волшебного дома» разворачивается некая другая жизнь, незнакомая, непонятная и пугающая. Он постоянно ощущает, как эта глубина бытия вмещается в жизнь человека, своим хаосом разрушая ее гармонию, убивая ее своим холодом. О том, что человек обречен на этот ужас, что он неминуемо пропадет в бездне бытия, Г.Иванову напоминает все, что составляет основу земного мира. Смерть начинается для него одновременно с жизнью. Словно мало того, что сущность глубинной жизни мира со всем ее хаосом, алогизмом, холодом и злом сводится к смерти, к вечной гибели, к тому, что в христианстве называется адом, она, эта вечная гибель, скрытая в глубинах мира, своим вмешательством и человеческую жизнь превращает в преддверие ада, в предчувствие и даже начало смерти.

Предчувствие такой вечности заставляет сердце поэта «беспокоиться», ему тревожно в лучах неземного «синего света». Оставленный в одиночестве между двумя мирами, один из которых бесконечно дорог, а другой бесконечно страшен ему, он не находит себе места ни в одном из них. Рай существует для него только как «бессмысленная», то есть неосуществимая надежда. Растерянная душа человека стремится к нему, мир полон этой растерянной мелодией жизни – стремлением к воздуху, к свету, к раю. Но они недоступны: всякой душе суждено задыхаться и сгорать, падать «сквозь холодеющий мрак» в «сияющий ад», который один господствует в мире.

Этой проблеме, то есть тому, как дан в мироощущении Г.Иванова видимый мир, посвящена **Глава III – «Видимый мир как непрочное покрывало глубинного хаоса бытия».**

От первого эмигрантского сборника до последнего, от «Роз» до «Посмертного дневника», в стихах Г.Иванова доминирует ощущение близости глубинного хаоса бытия к миру человеческих установлений, ощущение ненадежности преграды между этими двумя мирами, более того, зыбкостью границ характеризуется само сознание поэта. Что бы он ни чувствовал, о чем бы ни думал, всякое чувство и всякая мысль непременно ведут за собой ощущение несвободы человеческой жизни от влияния темных ужасов бытия. Явления земной действительности, дорогие ему постольку, поскольку они принадлежат сфере человеческого, всякий раз оказываются для него знаками иной, *не* человеческой, реальности, во всем многообразии земных проявлений он неизменно угадывает одну и ту же холодную вечность. Его мироощущение постоянно фиксирует прорыв глубинного хаоса бытия сквозь установления его собственного сознания, как и сквозь все без исключения людские установления.

Первый параграф главы – «*Действие космического хаоса в судьбе России*». Г.Иванов тяжело переживал не только утрату России, но и охватившие ее страдания, гибель. Это ощущение русской трагедии и острая

ностальгия так же, как и мечта о рае, очень сильны в его общем ощущении жизни.

В том, что произошло с Россией, безумие бытия проявило себя с такой пугающей силой, что пространственно-временные границы не только России, но и всей человеческой жизни оказались не в силах это вместить. В стихотворениях о России Г.Иванов оставлен один на один с бездной человеческого горя, утопающей в бездне времени и пространства, в бездне бытия. Для него Россия, как и весь мир, застыла в состоянии мучительного умирания.

Мечта о России, свободной от угрозы смерти и хаоса, побудила Г.Иванова оживить своеобразную модель идеальной жизни, созданную его ранней поэзией – мир «садов», который он ощутил теперь не только как мир культуры, но как мир, где возможны воскресение и вечная жизнь, а не вечная мука в холодной пустоте. Однако то, что, как кажется, удавалось в Петербурге, оказалось невозможным в эмиграции: ощущение алогичной тьмы мира стало настолько сильным, что реальность воображаемого мира померкла.

Для Г.Иванова не просто Россия и молодость потеряны, он мертв для жизни, ибо глаза его видят «пустые очи» вечности. Его мироощущение заставляет чувствовать себя выброшенным не только из «садов», но окончательно, навсегда выброшенным из самой жизни и, как следствие, из времени и пространства. К проблеме несвободы пространственно-временных установлений от действия космического хаоса мы обращаемся во *втором параграфе* – «*Действие космического хаоса в установлениях времени и пространства*».

Все, что долгие годы казалось поэту единственной реальностью, представилось вдруг иллюзией, химерой – и сама жизнь, и границы времени и пространства. Это ощущение измучило его душу неразрешимым противоречием: с одной стороны, как смертное существо он остро чувствовал движение времени и границы земного мира, с другой – холодная безнадежность словно выводила его из пространственно-временных пределов.

Для Г.Иванова ощущение относительности, неверности пространства и времени – это, в первую очередь, переживание близости космического хаоса. Как и все в мире, пространство и время охвачены агрессивной алогичностью бытия, и потому так же зыбки и ненадежны. Над ними торжествует «вечная бессмыслица», как торжествует она надо всем миром.

Этой проблеме посвящен *третий параграф* – «*Действие космического хаоса в судьбе видимого мира как торжество «вечной бессмыслицы» бытия*».

Переживание близости и всепобеждающей «вечной бессмыслицы» очень сильно в поэзии Г.Иванова, оно заставляет поэта слабеть под натиском «мирового безобразья», погубившего его жизнь. В нем постепенно ослабевает все, кроме сознания, которое безжалостно удерживает «на краю мировой пустоты», безжалостно повторяет, что высший, горный ответ

невозможен: его дать некому, в пустом небе подстерегает та же «вечная бессмыслица».

В такой ситуации бессмысленно все, в том числе и искусство. Ощущение его абсолютной и окончательной бессмыслицы особенно тяжело поэту. От горького сознания гибели искусства некуда укрыться, ибо и все прочие сферы жизни, русское прошлое и эмигрантское настоящее, тоже охвачены безобразием бытия, тоже вовлечены в «вечную бессмыслицу», сами стали бессмыслицей.

Такое ощущение жизни освобождает Г.Иванова от иллюзии надежности стройных и упорядоченных человеческих установлений, вместо них он чувствует вокруг себя «холод странной свободы» – свободы от жизни. Этой проблеме посвящен *четвертый параграф* – «*Действие космического хаоса в судьбе поэта*».

Мироощущение Г.Иванова, вырывая из круга привычных «людских слов и дел» и предугадывая вечное одиночество, ждущее впереди, сделало его предельно одиноким уже на земле, оставило один на один с немой бездной вечности, в которой тонут все человеческие вопросы, все упреки, вся жизнь. Он ощущает себя не здесь и не там, наполовину в жизни, наполовину в вечности. Г.Иванов захвачен впечатлением разбивающейся жизни, природа его сознания такова, что он не может не проникаться глубиной бытия. Главным в мироощущении Г.Иванова относительно видимого мира оказывается это его переживание грани космического хаоса и человеческих установлений, заставляющее его сознание двоиться. Постоянно ощущая прорывы темных основ бытия в земную жизнь, поэт сам становится воплощенным противоречием.

В поэзии Г.Иванова видимый мир находится в состоянии увядания, он все время на грани гибели. «Все на свете» тронуто увяданием, и эта печать ожидающего впереди тлена отравляет всякое счастье, разрушает всякую надежду. Взгляд поэта затуманен предчувствием конца, все вещи выглядят так, словно уже погибли, и от этого они кажутся еще более – «до муки» – прекрасными. Именно из них, предельно беспомощных, кем-то соткано непрочное покрывало красоты и жизни, брошенное на сияющую, холодную бездну мирового хаоса.

Так, как показано во второй и третьей главах, в мироощущении Г.Иванова даны, на наш взгляд, глубинные основы бытия и жизнь видимого мира на границе со смертью и вечностью. Выше мы отмечали, что состояние мировой и человеческой жизнью представляется поэту установившимся раз и навсегда, однако это отношение к бытию лишено завершенности. В **Главе IV** – **«Новая, преображенная жизнь как рай»** – мы рассматриваем тот диалог, в который вступает Г.Иванов – диалог с миром и с собой.

Десятилетиями поэта преследовало одно и то же видение смерти и ада, его собственное мироощущение убедило его в реальности этого видения, и все-таки он упорно, отчаянно отказывается принять и эту реальность, и даже свою собственную уверенность в ней. Этому неприятию

хаокоsmического зла посвящен *первый параграф* главы – «*Неприятие глубинного хаоса бытия*».

Г.Иванов не находит в земном мире опоры в борьбе с надмирными силами зла: все человеческое, предоставленное самому себе, неизменно терпит поражение. Ему нужна помощь высшего порядка, и вот этой помощи в земном мире Г.Иванов не может найти. Он ни к кому не обращается, никого ни о чем не просит, но он знает, что в одиночку человек может только терпеть поражение, и в самом этом знании заключена надежда на веру и на рай, надежда на то, что они возможны. С этой надеждой, которой дана власть разрушить бессмыслицу бытия, в его стихи входит свет, заставляющий слова «двоиться», открывающий за их привычным значением новое, неожиданное. Самому Г.Иванову это двоящееся бытие мира и самих его стихов представляется то музыкой, то весной, то чудом.

Второй параграф главы – «*Музыка как душа человека и душа мира*». Г.Иванов не только свою собственную поэзию, но всю земную жизнь неизменно ощущает как некую мелодию, «бесконечным легким звоном» наполняющую «маленькую планету». Мука и музыка одинаково реальны на земле, но только музыка может простить, а значит, и преодолеть муку, только она может придать смысл земному страданию и избавить от вечного. В какой-то степени мир останется трагичным, ибо в *земной* жизни зло из него устранено не будет, но с надеждой на достижение желанной *вечной* жизни из осознания этой трагичности уйдет безысходность.

Г.Иванов постоянно переходит от надежды к отчаянию, поэтому и музыка, и весна, о которой речь идет в *третьем параграфе* – «*Весна как мечта о жизни и обреченность смерти*», – ассоциируются у него не только с предельным счастьем, но и с предельным несчастьем. Подобно тому, как с темой музыки вошла в его стихи тема потаенной жизни человека и мира, с темой весны связана для него мечта о жизни и обреченность смерти. За предчувствием весны приходит надежда на счастье, на «нежность», на «вечную любовь». Однако весна вызывает и другое ощущение – обостренное ощущение времени. Весной мир изменяется, а всякое изменение, даже сулящее счастье, приближает человека и мир к смерти. Весна делает предельно зримым ход времени, в то же время приоткрывая за его пределами бездну вечности.

Но, как и в музыке, в ней все-таки скрыта надежда – надежда на время, которое перестанет быть ужасом для человека, которое станет дорогой в «вечную музыку», и иногда у поэта возникает ощущение, что он обречен не только на провал в пустоту, он обречен еще на нечто другое – на напряженное ожидание чуда, которому он вроде бы не находит места ни на земле, ни в вечности. Этому ожиданию чуда посвящен *четвертый параграф* – «*Ожидание чуда как надежда на рай*».

Отказавшись от Бога, он остался один перед бездной мира, но реальность ада не подавила его. Говоря словами преподобного Иустина, он «не мог полностью обезбожить себя, полностью уничтожить в себе

боголикие стороны своего духа... Сознательно или неосознанно ... он стремится к тому, чтобы вернуть себе утраченную боголикость»¹.

Г.Иванову само бытие открылось как бездна, поэтому и попытки понять это бытие, и попытки определить свое отношение к нему привели его на дорогу, обрывающуюся в бездну. Проблема истины, проблема добра и зла оказались бездонными. Поэт каждым вопросом, каждой мыслью, каждым ощущением обнаруживал все новые и новые бездны и всегда одну и ту же вечную смерть. Но это же блуждание по безднам заставило его сосредоточиться на одном «самом важном» вопросе: от чего зависят человек и мир, что происходит «над облаками и веками», всеильна ли увиденная им бездна бытия?

Этот последний вопрос привел его к проблеме Бога, Который один может победить мировой ад, открывшийся поэту. В поэзии Г.Иванова проделан путь от ощущения *не* человеческого, «насквозь» злого начала, присутствующего в мире, к принципиальному неприятию этого начала и, что представляется нам особенно важным, к возникновению острой потребности в Том, на Кого можно опереться в попытке одолеть зло. При этом никакая безличная сила, никакой абсолютный дух, никакое абстрактное высшее существо ему не нужны. Абстрактную высшую силу он и так видит и мыслит ее как зло. Ему нужен кто-то, кто может помочь, дать руку («Я гибну – дай мне руку»).

Ему, действительно, открылась «сатанинская сила зла», и потрясение от этого открытия было величайшим. Поэту осталось только, по слову И.Ильина, «увидеть свет», и он готов, отвергнув зло и не найдя опоры для борьбы с ним в земном мире, сделать шаг к Свету, Который противостоит злу, Который сильнее зла и выше человека.

В Заключении формулируются основные выводы исследования.

1. Давая свою картину глубинной основы бытия, бездны и хаоса, Г.Иванов останавливает внимание на трех основных проблемах: 1) на специфических качествах глубины бытия; 2) на участии, уготованной в ней всякому человеку; и 3) на превращении видимого мира в преддверие этой глубины бытия, то есть в преддверие вечной смерти.

Мироощущение Г.Иванова открывает ему бытие, сущность которого сводится к хаосу и в то же время характеризуется известной целенаправленностью – безумным, бесцельным, но неуклонным стремлением к мучению человека. Именно на этих глубинах бытия более всего сосредоточен Г.Иванов, именно их он пытается понять и назвать, от их давления хочет уйти, в возможность свободы именно от их вмешательства в судьбу видимого мира он хотел бы поверить.

Это космическое зло «торжествует» и в жизни, и в вечности, в своем «торжестве» оно «безобразно», но вся красота видимого мира не в силах его

¹ Преподобный Иустин (Попович). Философские пропасти. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. – ISBN 5-94625-082-5. – С. 65.

одолеть. В хаотической бездне бытия открывается последний, предельный ужас: реальность вечного существования, обернувшаяся реальностью вечной смерти, реальностью ада.

2. Обращаясь к проблеме взаимодействия космического хаоса и видимого мира, Г.Иванов неизменно убеждается, что космический хаос в этом мире проявляет себя решительно во всем: 1) в самой судьбе видимого мира; 2) в установлениях времени и пространства; 3) в судьбе России и 4) в собственной судьбе поэта.

Неизбежную горестную реальность ада Г.Иванов угадывает во всем, что составляет основу земного мира. Человек пойман в ловушку вечной смерти. Жизнь оказывается для него преддверием ада, едва начавшись, превращается в медленное умирание, которое закончится падением в бездну вечной гибели.

3. Такое мироощущение привело Г.Иванова к потребности в преодолении трагизма бытия. Переходя от убежденности во всепобеде зла к надежде на его поражение, Г.Иванов более всего сосредоточен 1) на своем неприятии глубинного хаоса бытия; 2) на проблеме души человека и души мира; 3) на мечтах о жизни и на чувстве обреченности смерти и, наконец, 4) на ожидании чуда, которое сделало бы возможной победу над злом и смертью, которое превратило бы в реальность надежду на рай.

В своем отчаянии Г.Иванов дошел до предела, но именно у этого последнего предела он увидел, в чем состоит единственный данный ему выбор – выбор между провалом в развоплощенный ад вечной смерти и надеждой на «невозможное чудо», на рай («Будет в раю – рай совсем голубой – / Ждать так прохладно, блаженно-беспечно»).

Окончательный выбор в поэзии Г.Иванова не сделан, но каждое его стихотворение в своем отрицании утверждает, что счастье в мире, который некому оградить от бессмыслицы и безумия зла, невозможно, сама жизнь в таком мире невозможна, ибо реальность такого мира – это реальность ада, то есть реальность смерти. В беспредельном отчаянии, в «надежде безнадежной» его поэзия неожиданно оказывается почти просьбой о помощи, почти молитвой к Богу, Единственному, Кто может провести мир и человека через бездну смерти и ада к чуду вечной жизни.

Повторим: в этом, предельно трагическом, мироощущении – источник всей поэзии Георгия Иванова. И цитатность, и цинизм, и современность, ностальгия, музыка и свет присутствуют в ней, но от любых ярлыков она все-таки ускользает. Умея за каждой значительной проблемой увидеть проблему еще более значительную, Георгий Иванов сумел заговорить «о самом важном» – о тех глубинах бытия, которые были знакомы великим трагическим поэтам и великим богословам. Он сам был именно трагическим поэтом. Он «пришел в мир, чтобы писать стихи»¹, чтобы пропеть этому миру о его грандиозной трагедии и его грандиозной надежде.

¹ Адамович, Г. Наши поэты (Георгий Иванов) / Г. Адамович //Одиночество и свобода. – М.: Республика, 1996. –ISBN-5-250-02570-6. – С. 331.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Гапеенкова, М.Ю. Поэтический цикл Николая Тuroверова «Стихи о Сербии» в контексте русско-сербских отношений / М.Ю. Гапеенкова // III Славистические чтения памяти профессора П.А. Дмитриева и профессора Г.И. Сафронова: материалы Междунар. научн. конференции, 12 – 14 сент. 2001 г. – С.Петербург, 2002. – С. 130 – 132.
2. Гапеенкова, М.Ю. Трагизм мироощущения Георгия Иванова / М.Ю.Гапеенкова // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского. Сер. Филология. – Н.Новгород, 2003. – Выпуск 4. – С. 40 – 46.
3. Гапеенкова, М.Ю. Тема России в поэзии Георгия Иванова / М.Ю.Гапеенкова // Жизнь провинции как феномен русской духовности. – Н.Новгород, 2003. – С. 36 – 40.
4. Гапеенкова, М.Ю. «В пыли чужих дорог» (об одном мотиве русской эмигрантской поэзии) / М.Ю.Гапеенкова // Филологические исследования: сборник статей молодых ученых. – Н.Новгород, 2004. – С. 55 – 61.
5. Гапеенкова, М.Ю. Внутренний свет поэзии Георгия Иванова / М.Ю.Гапеенкова // Жизнь провинции как феномен духовности. – Н.Новгород, 2004. – С. 130 – 133.
6. Гапеенкова, М.Ю. Культурное пространство поэзии Георгия Иванова // Художественный текст и культура V: материалы Междунар. научн. конференции, 2 – 4 окт. 2003 г. – Владимир, 2004. – С 266 – 271.
7. Гапеенкова, М.Ю. Поэтический цикл Георгия Иванова «Rayon de rayonne» / М.Ю.Гапеенкова // Русская литература в современном культурном пространстве: материалы III Междунар. научн. конференции, 4 – 5 ноября 2004 г. – Томск, 2005. – С. 84 – 90.
8. Гапеенкова, М.Ю. Поэзия Георгия Иванова в оценке русской критики 90-х годов XX века (полемические заметки) / М.Ю.Гапеенкова // Филологические исследования: сборник научных трудов, посвященный 75-летию М.А. Михайлова. – Н.Новгород, 2005. – С. 144 – 149.
9. Гапеенкова, М.Ю. «Над бедной землей неземное сиянье» (об одном мотиве поздней лирики Георгия Иванова) / М.Ю.Гапеенкова // Грехневские чтения: сборник научных трудов. – Н.Новгород, 2005. – С. 183 – 184.
10. Гапеенкова, М.Ю. «Наследник Пушкина наших дней» (Георгий Иванов о Есенине) / М.Ю.Гапеенкова // Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд: материалы Междунар. научн. конференции, 30 сент. – 3 окт. 2004 г. – Москва – Рязань – Константиново, 2005. – С. 410 – 413.
11. Гапеенкова, М.Ю. Ощущение времени и пространства в поздней поэзии Георгия Иванова / М.Ю.Гапеенкова // Жизнь провинции как феномен духовности. – Н.Новгород, 2006. – С. 122 – 124.
12. Гапеенкова, М.Ю. Представление о смерти в поэзии Георгия Иванова / М.Ю.Гапеенкова // Жизнь провинции как феномен духовности. – Н.Новгород, 2006. – С. 124 – 125.